

1

Идею подал Амихай. У него постоянно рождались подобные идеи, хотя признанным выдумщиком в нашей компании считался Офир. Но Офир гробил свой талант в рекламном агентстве, сочиняя слоганы для банков и производителей жвачки, а на наших тусовках предпочитал не напрягаться и больше помалкивал, ограничиваясь простенькими словечками, популярными среди жителей Хайфы, и только иногда, хорошенько набравшись, лез ко всем нам обниматься и твердил: «Как же нам повезло, друзья, что мы вместе! Вы даже не представляете себе, как нам повезло!» Что до Амихая, то он впаривал сердечникам подписку на дистанционные медицинские консультации, и даже если порой ему случалось услышать от клиента — как правило, пережившего холокост, — ту или иную захватывающую историю, нельзя сказать, чтобы работа приносила ему особенное удовлетворение. Раз в несколько месяцев он объявлял, что бросает свой «Телемед» и идет учиться технике шиацу, но всегда находилась причина, мешавшая ему осуществить задуманное. Сначала ему прибавили зарплату, потом предоставили служебный автомобиль. А потом он женился

на печальной Илане. На свет появились близнецы. Так что свое бьющее через край жизнелюбие, не находившее выхода ни в домах престарелых, ни в постели с Иланой, Амихай выплескивал на нас, трех своих лучших друзей. Он реально фонтанировал потрясающими идеями. Вспомнить, к примеру, как он уговаривал нас съездить на озеро Кинерет, чтобы отметить десятую годовщину нашего первого посещения тамошнего аквапарка, или подбивал принять участие в конкурсе караоке и исполнить а капелла одну из песен «Битлз». «Почему "Битлз"?» — удивился Черчилль, и по его тону нетрудно было догадаться, что он думает об этой инициативе. «А почему бы и нет? — возразил Амихай. — Их четверо, и нас четверо», — но по его тону было ясно: он уже понял, что это предложение, как и все предыдущие, имеет нулевые шансы быть принятым. Вообще в нашей компании ничего не предпринималось без одобрения Черчилля. Когда он разбивал в прах чьи-то аргументы, то делал это так небрежно и безжалостно, что сразу хотелось пожалеть адвокатов, против которых он выступал в суде. Кстати, именно Черчилль сколотил нас в компашку в средней школе. То есть не то чтобы сколотил, скорее, мы сами сбились вокруг него, как заблудшие овцы. Каждая черта его сияющего лица, даже развязавшийся шнурок кроссовки, даже походка — все создавало впечатление, что он точно знает, что хорошо, а что плохо. Что у него есть некий внутренний компас, подсказывающий ему верное направление. В те годы мы все, разумеется, изображали уверенность в себе, но только Черчилль и правда был наделен ею в полной мере.

Девчонки, когда он проходил мимо, принимались накручивать на палец волосы, хоть он вовсе не был киношным красавцем, ну а мы дружно, как коммунисты, проголосовали за него на выборах капитана классной футбольной команды, хотя среди нас были игроки и получше. Именно в команде мы и прозвали его Черчиллем. Перед полуфиналом, в котором мы играли против старшекласников, он собрал нас и толкнул зажигательную речь. Все, что мы можем им противопоставить, сказал он, — это кровь, пот и слезы. Когда он договорил, мы почти плакали, а потом, на поле, просто вывернулись наизнанку, без передышки носились за мячом и обдирали колени об асфальт, что не помешало нам проиграть со счетом три — ноль из-за трех непростительных ошибок самого Черчилля: сначала он отдал пас нападающему соперника, потом не принял передачу в центре поля и в довершение всего забил смачный автогол — вместо того чтобы отбить угловой в поле, послал мяч прямо в наши ворота, на которых стоял я. После игры никто не высказал ему никаких претензий. Как можно наезжать на того, кто сразу после финального свистка собирает команду в центре поля и, опустив очи долу, берет всю ответственность на себя? Как можно злиться на парня, который, чтобы загладить свою вину, приглашает всю команду на матч с участием клуба «Маккаби» из Хайфы, и все знают, что он платит из своих карманных денег, потому что родители ему эту затею не финансируют? Как можно негодовать на того, кто на каждый день рождения присылает тебе открытку с самыми искренними пожеланиями, кто умеет слушать как никто, кто готов

даже в Шаббат сорваться с места и покатить в пустыню Негев, чтобы навестить тебя на военной базе Цукей-Увда, куда тебя призвали на сборы; того, кто на три месяца, пока ты не устроишься в Тель-Авиве, предоставляет тебе кров и уступает свою кровать, а сам спит на диване?

Даже после того, что случилось с Яарой, я не мог на него сердиться. Все были уверены, что я впаду в ярость. Приду в бешенство. Амихай, как только услышал новость, позвонил мне и сказал: «Черчилль повел себя как последняя сволочь, но у меня есть идея. Поехали на пейнтбол в Бней-Цион, и там ты его обстреляешь. Отделаешь как бог черепаху! Я говорил с ним, он согласен. Как тебе?»

Офир покинул рабочий кабинет в разгар совещания по продвижению трехслойной туалетной бумаги, только чтобы сказать мне: «Братан, я с тобой. Я тебя на сто процентов понимаю. Но, умоляю, не делай ничего, о чем потом пожалеешь. Ты даже не представляешь себе, как нам повезло, что мы вместе! Ты даже себе не представляешь!»

На самом деле умолять меня не требовалось. Разозлиться у меня все равно не получилось. Как-то ночью я даже поехал к его дому. По дороге я распалял себя, повторяя вслух: «Ублюдок, вот же ублюдок!» — но, когда добрался до места, подниматься к нему мне расхотелось. Может, заметь я в окне квартиры его силуэт, кулаки у меня и сжались бы, но его не было, и я просто сидел в машине, брызгал водой на ветровое стекло и включал дворники, брызгал и включал дворники, а когда длинный рассветный луч коснулся солнечных батарей на крыше, уехал.

Я представить себе не мог, что ударю его. Хотя он этого заслуживал. Хотя, когда во время последнего чемпионата каждый из нас загадал по три желания, мои — все три — были связаны с Яарой. Записывать желания на бумажках придумал Амихай.

После того как Эмманюэль Пети забил третий гол, стало ясно, что Кубок возьмет Франция, и нас охватило смутное чувство разочарования (мы болели за Бразилию). Мы доели приготовленные Иланой булочки с привкусом слез, догрызли все семечки, а от арбуза с фетой остался последний ломтик, который никто не решался взять, и тогда Офир сказал: «Слушайте, а я вот тут подумал: мы, между прочим, уже пятый чемпионат смотрим вместе!» На что Черчилль тут же возразил: «С чего ты взял, что пятый? От силы четвертый».

Мы начали считать.

Мексика 86-го года мы смотрели в доме отца Офира в Кирьят-Тивоне. Бедная наивная Дания проиграла Испании со счетом пять — один, и Офир расплакался, а его отец процедил сквозь зубы: «Вот оно, материнское воспитание». Чемпионат 90-го застал нас в разных городах на Палестинских территориях, но однажды выдался Шаббат, когда мы все получили увольнительные и собрались у Амихая, чтобы посмотреть полуфинал. Кто тогда играл, мы уже не помнили, потому что в доме крутилась его младшая сестра в коротеньком красном халатике, и нам, солдатам, стало не до футбола. В 94-м мы уже были студентами. Черчилль первым переехал в Тель-Авив, а вслед за ним в большой город перебрались и мы. Нам не хотелось терять друг друга из вида, а

Черчилль сказал, что только там у нас есть шанс проявить себя.

— Но финал девяносто четвертого мы смотрели в Хайфе, в больнице «Рамбам»! — вспомнил Офир.

— Точно! — подтвердил я.

Я ужинал с родителями, когда со мной случился самый страшный в моей жизни приступ астмы. Пока меня везли в больницу, я временами всерьез верил, что сейчас умру. Врачи стабилизировали мое состояние уколами, таблетками и кислородной маской, но еще на несколько дней оставили меня в больнице. Как они сказали, для дальнейшего наблюдения.

Финал был на следующий день. Италия против Бразилии. Ни словом мне не обмолвившись, Черчилль созвал ребят, и они втиснулись в его побитый «жук». По дороге остановились возле блинной в Кфар-Виткине, купили мне холодного персикового чая, без которого я жить не могу, и пару бутылок водки — в те годы мы прикидывались, что нам нравится водка, — и за десять минут до начала матча ворвались ко мне в палату (охранник их не пускал, потому что время посещения закончилось, но они подкупили его бутылкой «Кеглевича»). Когда я их увидел, у меня едва не случился новый приступ. Но я сделал несколько глубоких вдохов диафрагмой, успокоился, мы включили висевший над моей койкой крошечный телевизор, и через сто двадцать минут плюс серия пенальти Бразилия взяла Кубок.

— А потом был девяносто восьмой год, — подытожил Черчилль. — Итого четыре чемпионата.

— Слава Всевышнему, что мы не заключали пари, — сказал Офир.

— Слава Всевышнему, что есть мировые чемпионаты по футболу, — сказал я. — Только благодаря им время не слипается в один бесформенный ком и каждые четыре года мы можем сделать паузу и посмотреть, как изменилась жизнь.

— Круто! — сказал Черчилль. Он всегда был первым, кто реагировал на подобные высказывания с моей стороны. А иногда — единственным.

— Знаете, в чем нам повезло? В том, что мы вместе... — начал Офир.

— Вы себе представить не можете, как нам повезло! — хором закончили мы за него.

— Не понимаю, чувак, как ты выживаешь среди рекламщиков. Ты у нас такая принцесса, — подколот его Черчилль.

— Вот оно, материнское воспитание, — засмеялся Офир.

И тут Амихай заявил:

— У меня идея.

— погоди! — перебил его Черчилль. — Давайте посмотрим, как вручают Кубок. — Он надеялся, что к концу церемонии Амихай забудет про свою идею.

Но Амихай не забыл.

Знал ли он, что родившаяся у него идея обернется пророчеством, которое на протяжении следующих четырех лет будет снова и снова жестоко нас обманывать, но при этом, как ни странно, сохранит свою пророческую силу?

Скорее всего, нет. За внешней покладистостью Амихая скрывалось негибкое упорство, позволявшее ему часами выслушивать клиентов «Телемеда», складывать на балконе пазлы из тысяч

фрагментов и пробегать каждый день по десять километров. В любую погоду. Думаю, именно это упорство и заставило его вернуться к прерванному разговору, после того как Дидье Дешам под рев трибун поднял Кубок.

— Я что придумал, — сказал он. — Давайте каждый напишет на бумажке, чего ему хотелось бы добиться за четыре года. По работе или в личной жизни. В любом аспекте, неважно. А на следующем чемпионате развернем свои бумажки и посмотрим, с кем что случилось.

— Прекрасная идея! — крикнула из кабинета печальная Илана.

Мы обернулись на ее голос. Сколько мы знали Илану, она никогда ничем не восторгалась. С ее лица не сходила гримаса уныния (не покинувшая ее даже на собственной свадьбе; именно поэтому на свадебном видео так много Амихая,двигающегося своей танцующей походкой, похлопывая себя по животу, и так мало Иланы). Когда мы собирались у Амихая, она, как правило, через пару минут забивалась в уголок и погружалась в чтение. Почти всегда это была книга по ее специальности — психологии, — что-то о связи депрессии с тревожностью. Мы привыкли к ее молчаливому присутствию и холодности к Амихаю, и вдруг — такой энтузиазм?

Илана вышла из кабинета и нерешительно направилась к нам.

— Я как раз читаю статью американского психолога, — сказала она. — Он утверждает, что правильная постановка цели наполовину гарантирует успех ее достижения. Следующий чемпионат состоится

через четыре года, верно? Значит, вам исполнится по тридцать два года. Как раз тот самый возраст... Гипсовый возраст.

— Гипсовый?

— Этот термин использует психолог. Он имеет в виду возраст, в котором личность человека затвердевает, как гипс, и приобретает законченную форму.

Она с минуту постояла, ожидая нашей реакции, не дождалась и, разочарованная, вернулась к себе в кабинет.

Амихай взглянул на нас.

Мы не могли его подвести. Не теперь, когда в ней наконец пробудились хоть какие-то эмоции. Когда появилась надежда, что он не зря так старается ее разморозить.

— Ладно, тащи свои бумажки, — сказал я.

— Только давайте все сделаем организованно, — вступил Черчилль. — Каждый запишет по три желания. По три коротких предложения. Иначе мы растечемся мыслью.

Амихай выдал каждому по толстой книге по психологии, чтобы было на что положить бумагу. И по ручке.

С первым желанием проблем у меня не возникло. Оно сложилось в голове в ту самую секунду, как Амихай озвучил свою идею.

«К следующему чемпионату я хочу по-прежнему быть с Яарой», — написал я.

А потом я застрял. Я прикидывал, что бы еще себе пожелать, пытался думать о самых разных

вещах, но мыслями неизменно возвращался к ней, к ее шелковистым карамельно-каштановым волосам, к ее гладким худеньким плечикам, к ее зеленым глазам за оправой очков, к тому мгновению, когда она их снимает, и я знаю, что это лучшее мгновение... Мы познакомились два месяца назад в кампусе, в кафетерии здания «Нафтали». В начале перерыва между лекциями она появилась там с двумя парнями. Она шла, неся большой поднос, на котором стояла маленькая бутылочка грейпфрутового сока. Прямая спина, быстрая походка — собранные в хвост карамельно-каштановые волосы раскачивались на ходу. Парни неуклюже косолапили следом. Ей не сразу удалось открыть бутылку, но она не обратилась к своим приятелям за помощью. Они обсуждали виденный накануне спектакль. Вернее, говорила она, практически без передышки, а парни на нее глядели. Она говорила, что из пьесы можно было выжать гораздо больше, найдись у режиссера хоть капля вдохновения. «Взять хотя бы декорации... — Она глотнула сока. — Почему в этой стране все театральные декорации одинаковые? Неужели нельзя придумать что-нибудь более оригинальное, чем стол, вешалка и кресло с блошиного рынка?» Потом она заговорила о музыке и о том, что режиссер мог бы добиться от актеров большего, если бы питал к своей профессии настоящую любовь. Последнее слово она не только выделила интонационно, но и приложила руку к груди. «Полностью согласен!» — поддакнул сидевший напротив нее парень, не сводивший глаз с ее блузки. «Ты совершенно права, Яара», — добавил второй.